

Литература

1. Быков В.П. Тихие приюты. – Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1993.
2. Василий Шустин свящ. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. – Ставрополь, 1991.
3. Воропаев В.А. «Монастырь наш – Россия!» Гоголь Н.В. Духовная проза. / Сост. В.А. Воропаев, – М., 1992.
4. Георгий Флоровский прот. Пути Русского Богословия. – Вильнюс, 1991.
5. Гоголь Н.В. С. с. В 9 т. Т. 9. Письма. – М., 1994.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. С. с. В 7 т. Т.6. – М., 1994.
7. Духовная трагедия Льва Толстого. / Сост. Стрижов А.Н. – М., 1995.
8. Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. – М., 1993.
9. Концевич И.М. Истоки духовной катастрофы Л.Н. Толстого. Духовная трагедия Льва Толстого. / Сост. Стрижов А.Н. – М., 1995.
10. Концевич И.М. Оптина Пустынь и ее время. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995.
11. Криволапов В.Н. Оптина Пустынь: ее герои и тысячелетние традиции. // Прометей, Т 16. – М., 1990.
12. Крипицкий А. «Истинно, истинно говорю вам ...» // Православная беседа, 1993. – № 5-6.
13. Леонтьев К.Н. Избранное. – М., 1993.
14. Леонтьев К.Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптинской Пустыни. – М., 1997.
15. Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1994.
16. Мень А. В. Культура и духовное восхождение. – М., 1995.
17. Неизвестный Нилус. / Сост. Р. Багдасаров, С. Фомин. Т.1. – М., 1995.
18. Нилус С.А. Великое в малом. – Новосибирск, 1994.
19. Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч. 1. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1991.
20. Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч. 2. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1991.
21. Сергей Четвериков прот. Бог в русской душе. – М., 1998.
22. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М., 1992.
23. Толстой Л.Н. Почему христианские народы вообще и в особенности русские находятся теперь в бедственном положении. // Слово, 1991 – № 9.
24. Шмелев И.С. Пути небесные. С. с. В 5 т. Т.5. – М., 1998.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

Татьяна Михайловна Пенская

кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, Белгород)

Христианизация Руси и формирование новой, христианской культуры, начавшиеся в X в. (важнейшей вехой на этом пути стало Крещение Руси в 988/989 гг., осуществленное по воле князя Владимира Святославича, заслуженно получившего от потомков прозвище «Равноапостольный» и возведенного в ранг святых), вне всякого сомнения, является ключевым моментом в истории русского народа и Русского государства. Русь стала частью христианского мира и, попав в орбиту культурного влияния Византийской империи, наследницы империи Римской и великой античной культуры, получила (и использовала) шанс создать неповторимую и оригинальную собственную культурную традицию, основанную на христианских ценностях.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что сам по себе процесс христианизации Руси и русичей был неоднозначным и нелинейным. И, само собой, обращение язычников-русичей в православных христиан не было одномоментным актом, растянувшись на несколько столетий (еще в конце XIII в. епископ владимирский Серапим сетовал на нравы прихожан, порой весьма далекие от христианского благочестия). В известном смысле движение «ревнителю благочестия», предшествовавшее церковной реформе патриарха Никона, и раскольничество можно считать радикальной попыткой побороть пережитки древних, языческих и даже доязыческих, верований, сохранявшихся в народной культуре и быту даже и в XVII в. Неслучайно в научной среде до сих пор бытует концепция «двоеверия» как переходного, межумочного состояния древнерусской духовности, когда христианство уже господствует, но старые верования еще не побеждены, но лишь ушли на

второй план, надежно укрывшись под пластом новых ценностей и установок (которые, в свою очередь, претерпели определенную трансформацию, вступив в контакт с дохристианскими верованиями) [См., например: 4, с. 455-752].

Безотносительно к тому, какой смысл вкладывается в концепцию «двоеверия» (это предмет отдельного исследования), одной из любопытнейших (и вместе с тем дискуссионнейших) проблем истории средневековой русской культуры является судьба древнерусского язычества. Стоит отметить, что проблема эта не носит сугубо научный, академический характер – в конце 80-х – 90-х гг. минувшего столетия (впрочем, и сегодня тоже) мы можем наблюдать всплеск общественного интереса к славянской дохристианской культурной традиции, в т.ч. и язычеству (которое в «реконструкциях» неоязычников приобретало порой весьма причудливые формы). Тем более любопытным и небезынтересным представляется попытка ответить на вопрос – что произошло в древнерусском язычестве, почему он о быстро сошло со сцены, будучи оттесненным на обочину общественного и личного сознания, если не в подсознание, на уровень коллективного бессознательного, был ли у него хоть минимальный, но шанс устоять в борьбе против христианства или исход этой борьбы был изначально предопределен?

Предварительное замечание – к анализу проблемы мы намерены подойти, преднамеренно оставив «за бортом» многочисленные исследования религиоведов, культурологов, антропологов, этнографов и фольклористов. На наш взгляд, все они так или иначе рассматривают феномен религии как некую самодостаточную реальность, вне зависимости бытования различных форм религиозных верований от соответствующих им форм социального, а впоследствии – и политического, бытия. Как бы мы не относились сегодня к фразе немодного ныне классика о том, что бытие определяет сознание, тем не менее, эта зависимость, пусть и не прямая, но косвенная, все же существует. Следовательно, мы можем с уверенностью утверждать, что на определенном этапе развития происходит смена не только базовых, фундаментальных общественно-политических и экономических институтов, но и надстроечных, к которым можно и нужно отнести религию в любых ее формах. Поэтому, говоря о смене религии, измени религиозного мышления, мы должны в первую очередь обращать внимание на предшествовавшие (или сопутствующие) ей процессы политогенеза и экономических перемен, которые, в свою очередь, влекли за собой перемены социальные. Поэтому мы полагаем, что, отступив в сторону от культурологического и философского взглядов на религию и посмотрев на ее со стороны взглядом историка, мы сможем сформулировать ответ, который будет ближе к истине. При этом мы будем исходить из того, что само общественное сознание весьма многомерно и многослойно и обладает завидной инерционностью в развитии, в особенности когда речь идет о «холодных» [2, с. 438-439], аграрных в своей основе обществах «первой волны» [См.: 6], обществах глубоко консервативных и нацеленных на простое воспроизводство существующего привычного порядка вещей – в том числе и в духовной сфере, которая в архаичных обществах неизбежно принимает религиозную форму. Отсюда неизбежность сосуществования на различных уровнях разных форм мышления и освоения окружающего мира. Добавим к этому также и проблему соотношения письменного и бесписьменного общества, *litterati* и *illiterati*, которая создает дополнительные трудности в изучении дописьменных форм культуры и общественного сознания. Ведь не секрет, по причине отсутствия (вполне объективной, надо сказать) славянской дохристианской письменной традиции мы узнаем о верованиях славян из сочинений христианских авторов, настроенных по отношению к язычеству негативно и не заинтересованных в точной передаче сведений о «поганстве» [См., например: 3, с. 10-11].

Сделав эти предварительные замечания, вернемся к основной теме. Прежде всего необходимо определиться с содержанием термина «язычество». Обычно «язычество» трактуется в весьма широком смысле – как совокупность верований, предшествующих монотеистическим авраамическим религиям. Однако нередко под язычеством понимают, условно говоря, «классическое» язычество, характерное, например, для древнегреческого

и древнеримского обществ или, на худой случай, древнегерманское (в особенности в скандинавской его форме). Для такого «классического» язычества характерны сложно-устроенный пантеон божеств вкуче с их иерархией, развитая и отрефлексирующая мифология, включающая в себя космогонию с теогонией, активная и упорядоченная культурно-деятельность и пр. И если мы посмотрим на это язычество с точки зрения историка, с политической и социально-экономической точки зрения, то нетрудно будет заметить, что такая сложно устроенная и структурированная религиозная система возникает не одновременно, по мановению палочки или чьему-либо желанию, но является результатом длительного развития общества. При чем, и мы настаиваем на этом, такая система является продуктом достаточно высокоразвитого общества, в котором есть социальная и имущественная дифференциация, четко выделена знать и ее обслуга наряду с массой простонародья и неполноправных членов социума, а экономика обладает достаточно высоким уровнем развития для того, чтобы содержать достаточный пласт людей, прямо не задействованных в производительном труде и не производящих материальные ценности.

В завершающий этап своего развития «классическое» язычество вступает в тот момент, когда весь ядро мифологии (включая сюда и космогонию с теогонией, и героический эпос и т.п.) будут зафиксированы на письме (неважно – на камне ли, на пергаменте ли, на папирусе или бамбуковых дощечках). В любом случае, все это происходит на стадии, когда общество вплотную приближается к тому порогу, когда, перешагнув его, оно вступает на путь развития своей государственности. Одним словом, классическое язычество – продукт эпохи формирования и усложнения «вождеств», причем «вождеств» скорее всего сложно-организованных, иерархизированных, не простых. И чем сложнее будет вождество, тем скорее в нем сложится развитая система религиозных верований, которую можно будет назвать «классическим» язычеством. Одним словом, язычество, которое мы называем «классическим», является продуктом стратифицированного и достаточно высокоразвитого общества на предгосударственной стадии его развития. При этом эта традиция неизбежно будет иметь многовековую историю. К примеру, если мы возьмем древнегреческую религию, то процесс ее оформления в развитую и сложную религиозно-философскую и обрядовую систему занял, по меньшей мере, около 1 тыс. лет – если вести отсчет от микенской культуры до классического периода (примерно с XVII-XVI по V-IV вв. до н.э.).

Если брать время и культуру ближе к интересующему нас периоду, то сразу напрашивается пример соседей славян – скандинавов. И здесь мы тоже наблюдаем схожий с древнегреческим процесс. Скандинавское язычество – продукт развития сложно структурированного, иерархизированного социума, в котором четко выделяется знать, и среди простонародья нет эгалитарности – здесь свои «мужи» и «черная кость», не говоря уже о том, что присутствует рабство как институт. И это общество явно вступило на путь формирования своей, пусть и варварской, примитивной, но все же государственности.

В принципе, если не вдаваться в частности, то выявленная закономерность достаточно четко прослеживается не только в Европе, но и в других регионах мира. Но что будет, если применить ее к славянам? И вот здесь сразу начинаются проблемы. Прежде всего, этногенез славян остается дискуссионной проблемой – славяне появляются на исторической сцене в конце V – VI вв., в разгар Великого Переселения народов, причем, если судить по источникам, уже как довольно сформированная культурная общность, отличающаяся от своих соседей.

Однако, при всем при том, материалы археологических раскопок показывают, что на ранних этапах своего развития (VI – начало VIII вв.) основная масса славянских «племен» (мы преднамеренно берем этот термин в кавычки, ибо сегодня он и его содержание являются более чем дискуссионным) вели крайне примитивный образ жизни – и с материальной, и, следовательно, с культурной (и религиозной) точки зрения. Раскопки поселений (как правило, малодворных), могильников не показывают нам сколько-нибудь развитой материальной и, как следствие, социальной дифференциации. Отсюда можно смело предположить, что религиозные культы носили отпечаток поклонения духам предков и родовых покровителей наряду

ду с пережитками более древних культов и верований, причем обязанности жрецов исполняли «бигмены» – влиятельные и авторитетные главы больших патриархальных семей-патронимий (аналогично скандинавским гюди). И когда канадский историк О. Прицак писал, что «как для большинства людей невозможно получить Нобелевскую премию по физике, так и для межтерриториальных, плохо организованных, языческих, неграмотных крестьянских общин Восточной Европы в VIII-X веках, было невозможно создать государство. Даже через тысячу лет, в 1917-1920 гг. более просвещенные крестьянские общины, которые жили на извечно прежней территории Киевской Руси, украинские крестьяне так и не ощутили необходимости и не нашли путей создания собственного государства...» (перевод наш – Т.М.) [8, с. 31], то не приложимы ли эти слова и к древнеславянскому язычеству? Могло ли раннеславянское общество, стоящее на крайне низкой стадии экономического и социального, не говоря уже о политическом, развития, создать нечто подобное «классическому» язычеству?

Ответ на этот вопрос представляется вполне очевидным, и он будет отрицательным. У древних славян бытовали древнейшие, ранние формы религиозных верований [См. например, соответствующие разделы: 5], но это язычество было весьма далеко от «классического». Для этого у славян еще не сложилось необходимых экономических социальных и политических предпосылок. Для «олимпийских» богов у славян еще не пришло время.

Ситуация изменяется во 2-й половине VIII - начале IX вв., когда часть славянских общностей (по преимуществу проживавших вдоль крупных рек, ставших торговыми маршрутами для тех же викингов-норманнов) вытягивается в более сложные экономические и социально-политические отношения и начинает развиваться ускоренными темпами [См., например: 7, с. 15-120]. Оказавшись в сфере влияния скандо-балтийской культурной общности [См., например: 1, с. 276-279 и далее], эти примитивные социумы начинают быстро изменяться. Будучи втянуты в зону влияния трансконтинентальной торговли, они стратифицируются, в них появляется протознать (причем, судя по всему, она формируется под сильнейшим влиянием скандинавов), развивается имущественное и социальное неравенство, а, значит, создаются предпосылки к формированию раннего варварского государства с соответствующими институтами – в том числе и религиозными. И когда Владимир Святославич пытается реформировать язычество, придать ему некую стройность и организованность [См.: 3, с. 37-38], это надо рассматривать, с одной стороны, как закономерный итог всего предыдущего государственного строительства (если такой термин применим к реалиям той эпохи), а с другой – как ответ на давление со стороны того же христианства и ислама.

Однако попытка эта успеха не имела – древнерусское язычество безнадежно запаздывало, оно не успевало стать религиозно-философской системой, сравнимой с «классическим» язычеством. И если последнее проиграло решающую схватку христианству, то у древнерусского язычества шансов на успех не оставалось вовсе. И как только Владимир вернулся от язычества, перестал ему оказывать государственную поддержку, дни язычества были сочтены. Не успев же превратиться в систему, оно быстро уступило место христианству, которое, в отличие от него, системой было. При этом язычество не смогло оставить после себя и мощного культурного пласта, который оказался бы зафиксирован в письменных источниках (подобно германскому или скандинавскому), а то, что осталось, трансформировалось в фольклор. Христианство победило язычество.

Литература

1. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
2. Леви Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. – М.: Академический проект, 2008. – 520 с.
3. Повесть Временных лет. – СПб.: Наука, 1999. – 669 с.
4. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1988. – 783 с.
5. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
6. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
7. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 672 с.
8. Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). – Т. I. – Київ: Обереги, 1997. – 1084 с.